

И. Д. Макарова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮБЛЯНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Словенская языковая ситуация характеризуется довольно четким распределением коммуникативных сфер между существующими разновидностями национального языка: официальное общение обеспечивается преимущественно средствами литературного языка (в его стандартном и разговорном варианте), неофициальное общение – преимущественно средствами регионального интердиалекта, городского койне или диалекта¹. Коммуникативная значимость и языковая обособленность некодифицированных разговорных формаций обусловлена, с одной стороны, искусственным характером литературной нормы, сознательно удаленной от естественно сложившегося речевого узуса во всех словенских регионах, с другой стороны, отсутствием единого общесловенского разговорного языка².

В течение последнего десятилетия в связи с выходом Словении из состава СФРЮ и образованием независимого государства (1991 г.) в ожидании скорейшего присоединения к Евросоюзу (май 2004 г.) словенское общество переживает эволюцию не только политических, экономических, но и ценностных ориентиров, что, в свою очередь, влияет на изменение языковых вкусов. Тенденция к демократизации общественной жизни проявляет себя, в частности, в возросшей престижности естественной разговорной речи, создающей ощущение большей непринужденности и коммуникативной комфортности. Так, например, жители словенской столицы Любляны свободно используют городское койне в ситуации публичного общения: любительского выступления в клубе, в рабочей обстановке (например, на съемках телесериала), а также в ситуации телевизионного круглого стола³.

Городское койне Любляны мы определяем как нелитературную территориально-ограниченную разговорную формацию наддиалектного

¹ В рамках проведенного анкетирования (март 2003 г.), в котором приняло участие 100 студентов I и III курса философского факультета Люблянского университета, на вопрос: «Используете ли вы в повседневном общении литературный язык?» – 100% респондентов ответили отрицательно.

² Подробнее характеристику словенской языковой ситуации см.: [Замятина, Плотникова 1994].

³ Койне использовалось люблянцами – участниками телевизионного круглого стола на тему: «Трудно ли быть непохожим?» (июль 2003 г., программа «Polnočni klub»).

характера, обеспечивающую повседневное общение жителей конкретного города. Следует отметить, что языковые особенности столичного койне не являлись предметом специального рассмотрения в рамках российской словенистики и весьма скупо освещены в работах словенских ученых⁴.

Характеристика языковых особенностей люблянского городского койне, попытка их систематизации и интерпретации, предлагаемая в данной статье, основывается на корпусе устных текстов, репрезентирующих нелитературную разговорную речь жителей словенской столицы (30 информантов разного возраста и рода деятельности) в ситуации неофициального общения⁵. В качестве фона для выделения языковых особенностей столичного койне выступает современный словенский литературный язык, а также смежные с Любляной центральнословенские диалекты (гореньские и доленьские)⁶.

1. Фонетические особенности

Последовательная редукция, т. е. ослабление артикуляционных признаков кратких ударных и безударных вокалов (в том числе до полной утраты), – одно из самых заметных фонетических явлений столичного койне, отличающееся системностью и последовательностью.

1.1. Система вокализма

Систему гласных в люблянской речи составляют те же монофтонги, что и в словенском литературном языке, однако их реализация подчиняется несколько иным закономерностям. Редукция гласных разговорной речи не допускается в стандартном литературном языке, в разговорном литературном возможна лишь в составе строго ограниченного числа форм.

⁴ В частности, свое описание особенностей данной разговорной формации предложил известный словенский лингвист Йоже Топоришич. В его статье «Словенский разговорный язык» ([Торогішіч 1970]), а также в «Грамматике словенского языка» ([Торогішіч 1976: 18]) представлен краткий перечень основных особенностей люблянского разговорного языка. К работам последнего времени, посвященным особенностям столичного койне, следует отнести статью Роберта Цазинкича ([Cazinkič 2000]), в которой уточняются особенности столичного койне, выявленные Топоришичем; здесь отмечена некоторая терминологическая путаница в отношении разговорных образований Любляны. В рамках диалектологического семинара на философском факультете Люблянского университета были написаны курсовые и дипломные работы с описанием фонетических особенностей речи люблянских информаторов ([Klučar 2002]; [Kovšča 2000]).

⁵ Собранный материал составил 26 аудиодисков (по 80 минут звучания каждый).

⁶ В том объеме, в каком они отражены в сборнике диалектных текстов известного словенского диалектолога Тине Логара ([Logar 1975]).

Особой функциональной активностью в люблянском койне отличается краткий гласный среднего ряда средне-нижнего подъема δ (словенский термин *polglasnik*, буквально «полугласный»), самостоятельная фонема, которая восходит к праславянским редуцированным \bar{y} , \bar{z} (*jaz sem [s̄dm]*, *dež [d̄dž]*), по своим произносительным характеристикам близкая русскому редуцированному во втором предупредном слоге – тип [гърадá].

Тенденция разговорной речи к ослаблению артикуляционной напряженности приводит к нейтрализации дифференциальных признаков гласных в виде перегласовки (качественной редукции) и к полной утрате вокала (количественной редукции) в фонетически слабой позиции.

1.1.2. Качественная редукция гласного в ударной и безударной позиции

При качественной редукции ударный и безударный гласный полного образования чаще всего переходит в краткий δ , «более средний» по месту образования, чем исходный гласный. В случае сопутствующих ассимиляционных процессов качественная редукция ударных гласных дает иные рефлексы ($a > o$, $i > e$).

1.1.2.1. Переход ударных гласных в краткий δ

Схема: $\text{'voc} > \text{'}\delta$.

В люблянском койне наиболее частотным результатом перегласовки ударного гласного является краткий вокал среднего ряда средне-нижнего подъема δ :

- 1) $i > \delta$: *nĉ* (*nĭč*), *zanĉ* (*zanĭč*), *rĉt* (*rĭt*);
- 2) $\bar{a} > \delta$: *jĉst* (*jāz*), *mĉn* (*mānj*), *nĉm* (*nām*), *mĉjčkĉn* (*mājhĉn*), *kĉšĉn* (*kākšĉn* = *neki*);
- 3) $o > \delta$: *bĉl* (*bōlj*) \Rightarrow *nāibĉl*, *kĉt* // *kĉ* (*kot*), *pĉjte* (*pójдите*);
- 4) $u > \delta$: *skĉp pāst* (*skūpaj pásti*), *kĉp dnárja* (*kūp denárja*).

1.1.2.2. Перегласовка ударных гласных, сопровождающаяся ассимиляцией

1) Переход гласного нижнего подъема **a** в открытый гласный средне-нижнего подъема δ : **a > o**: *dĉn(ĉ)s* (*dānĉs*), *lĉxk* (*lāxk* < *laxkó*).

В первых двух примерах можно усмотреть известное в доленьских диалектах явление регрессивной ассимиляции гласного **a** под влиянием следующего за ним сонорного согласного: *oli* (*ali*), *vom* (*vam*), *nom* (*nam*)⁷.

⁷ Примеры приводятся на основании данных протестантских текстов, отражающих влияние доленьских диалектов (тексты Приможя Трубара) ([Slovenska besedila 1993: 422]); см. также пример из сохранившихся записей люблянского койне от 1953: *Fronc* (вместо *Franc*) ([Slovenska besedila 1993: 343]).

В результате регрессивной ассимиляции под влиянием билабиального **u** происходит лабиализация краткого ударного гласного (**a** → **o**): -**au** > -**ou**: **pròu** (pràu), **žòu** (žàu), **je ropotòu** (je ropotàu).

Следующий пример демонстрирует различные результаты регрессивной ассимиляции краткого ударного **à** под действием среднеязычного палатального элемента: -**aj** > **ej** (> **ôj**): **zdèj** // **zdôj** (zdàj), **dèj** // **dôj** (dàj), **sèj** // **sôj** (sàj), **nèj** // **nôj** (nàj).

2) Переход гласного верхнего подъема **í** в закрытый гласный средневерхнего подъема **é**.

В речи отдельных информантов были выявлены также примеры перегласовки **í** > **é** по принципу замены ряда образования редуцируемого гласного на более средний: **mém** (mímo)⁸, **parkérat** (parkírat), **opštéřôx** (ob štířix). Поскольку большинство примеров регрессивной ассимиляции обнаруживается в положении перед сонорным **r**, то именно эту фонетическую позицию следует признать основной причиной такого изменения.

Ассимиляция ударных вокалов, как показал материал, в основном происходит под влиянием сонорных согласных, что объединяет столичное койне с окружающими диалектами, доленьскими и гореньскими, где наблюдаются те же процессы.

1.1.2.3. Перегласовка безударных гласных

Качественная редукция гласных полного образования в безударной позиции приводит к их переходу в краткий вокал **ò**. Схема: **voc** > **ò**:

- 1) **í** > **ò**: **učásòh** (učásíh), **jòx** (jíx), **opázòm** (opázím), **trúďòm** (trúďím);
- 2) **e** > **ò**: **učítòl** (učítej), **bojó naròdíl** (bojo naređíli), **iz šòlskòga léta** (iz šòlskega leta);
- 3) **a** > **ò**: **zòto** (zató), **kòr tòkò** (kar takó), **nòzáj** (nazáj);
- 4) **o** > **ò**: **stanòvánje** (stanovánje), **kò prídòš** (ko prídeš), **pògovárjajo** (pogovárjajo);
- 5) **u** > **ò**: **lòdjé** (ljúdje), **Lòblána** (Ljubljana)⁹.

1.1.3. Утрата (безударного) гласного

Схема: **voc** > **Ø**.

1.1.3.1. Как правило, количественная редукция, ведущая к полному исчезновению гласного, связана с его безударным положением (в конце, в середине и в начале слова):

⁸ Примеры перегласовки гласного **í** под влиянием сонорного **m** известны и в гореньских диалектах ([Logar 1975: 25]).

⁹ В данных примерах процесс развития компенсационного «полгласника» **ò** перед сонорным согласным **l** сопровождается депалатализацией согласного (**lj** > **l**).

1) **i** > **Ø**: *àl* (al**i**), *skóz* (skó**z**i), *dòst* (dò**st**i), *mên, têb* (mê**n**i, tê**b**i), *púst* (pú**st**i!), *òna to ráb* (rá**b**i), *má, májo* (í**ma**, í**m**ajo), *profésorca* (profésor**i**ca), *taljanska* (ítal**j**anska);

2) **e** > **Ø**: *zló* (zel**ó**), *mésca* (mése**ca**), *ta nóvga* (<ta nov**o**ga < ta novega), *kôj húdga* (húde**ga**), *dnarja* (denar**ja**), *člók* (čl**o**vek), *bólš* (bol**š**e);

3) **o** > **Ø**: *sám* (sam**ó**), *číst zanimív* (číst**o** zanimív**o**), *rôžčiččôn* (ražčičč**o**), *po slovénšk* (po slovén**sk**o), *vsêen* (vse**e**no), *to je vážôn* (váž**o**);

4) **ð** > **Ø**: *ta kônc* (ta k**o**nc), *dôns* < (d**o**nc), *bráuc* (br**o**uc < br**o**lc), *štéuc* (št**e**uc < št**e**vc), *studênc* (stud**e**nc), *Némc* (N**e**mc), *poudárk* (poud**o**rc);

5) **a** > **Ø**: *tko* (ta**k**o), *mórš, morjo* (m**o**raš, m**o**rajo);

6) **u** > **Ø**: *bógi* (ub**o**gi).

Утрате гласного обычно предшествует фонетический процесс его перегласовки в краткий вокал *ð* (*zló* < *zðlo*, *mésca* < *mésðca*, *ta nóvga* < *ta novðga*, *mórš* < *mórcš*), который выпадает по аналогии с беглым гласным *ð* в косвенных падежах некоторых форм: *Némðc* – *Némca*, *tújðc* – *tújca*.

1.1.3.2. Фонетические явления, сопровождающие полную утрату гласного

1) С выпадением гласных (главным образом, **i** и **o**) связано появление «компенсационного» краткого гласного *ð* в новообразовавшейся группе сонорных согласных, как правило, перед **r**, **n** и **l**:

pri > **pr** > **pðr**: *pðrjátu* (prijátel**j**), *pðršu* (priš**e**u), *pðr* (p**r**i);

-tro > (**tr**) > **tðr**: *dðbr* (d**o**bro), *hítðr* (hít**o**);

nít > (**nt**) > **nðnt**¹⁰: *ðnkðl* (n**ik**oli), *spómðnt* (spóm**n**iti), *slóvðnca* (slov**n**ica), *bólðnca* (bol**n**ica);

-tno > (**tn**) > **tðn**: *ðkðn* (ð**k**no), *pomémðn* (pomém**n**o), *tóčðn* (t**o**čno), *vážðn* (váž**o**).

2) Вокальная редукция в наиболее частотных словах нередко стимулирует последующее упрощение и даже выпадение целых групп согласных: *misðm* (ЛЯ: misl**i**m > misl**ð**m), *kóuk* (ЛЯ: kóliko > kó**l**ko), *tóuk* (ЛЯ: tóliko > tó**l**ko), *ênkðt* (ênkrat), *učás* (učásðh < ЛЯ: učásih), *zðj* (z**d**aj), *pðl* (ЛЯ: pôtlej > pôtl**ð**j > pôtl**i** > pôl**i**), *kéri* (ЛЯ: katéri > kðt**e**ri > k**t**éri > k**e**ri).

3) В формах причастия на *-l* ед. ч. муж. р. регулярны примеры регрессивной ассимиляции под влиянием позиционного варианта фонемы [l] в конце слова (**u** неслогового) и дальнейшей монофтонгизации предшествующего безударного гласного: **-iu** > **-ðu** >

¹⁰ В схеме **t** – любой согласный.

-ou > -u: *míslu* (míslju), *tôrdu* (tôrdju), *pogovóru* (pogovôrju); -ôu > -ou > -u: *je réku* (< je rékôu), *je nésu* (< je nésôu), *je hôtu* (< je hotôu); -au > -ôu > -ou > -u: *je néhu* (< je néhau), *je dětu* (< je dělau), *je rátu* (< je rátau).

1.1.4. Предударное «уканье»

Предударное «уканье» (переход предударного гласного о > u) встречается не только в столичном койне, но и в гореньских диалектах. Например: *smo xudíl* (smo hodíli), *pumagál* (pomagálo), *dvorišče* (dvorišče), *utróc* (otroci), *puteyníla* (potoegníla), *puqlěj* (poglej), *puznám* (poznam), *dukázôn* (dokázano).

Согласно нашим наблюдениям, предударное «уканье», которое еще Топоришич наряду с «аканьем» отнес к заметным особенностям люблянской речи ([Топоришич 1970; 1976]), в настоящее время отличается речь старшего поколения городских жителей. В речи наших молодых информантов (до 30 лет), – по крайней мере, в тех коммуникативных ситуациях, в которых мы имели возможность записать их речь, – «уканье», как и «аканье», отсутствует. По всей видимости, под влиянием литературного языка и центральнословенского интердиалекта происходит постепенное сглаживание тех явлений, которые можно отнести к типично люблянским локализмам.

1.2. Особенности консонантизма

1.2.1. Наш материал содержит многочисленные примеры депалатализации бывшего мягкого **n'** с метатезой **nj** > **jn**, когда палатальный элемент выделяется и занимает позицию перед согласным: *koina* (konja), *standvaina* (stanovanja), *zainga* (zanja). Эта особенность объединяет столичное койне с некоторыми доленьскими диалектами. Данный рефлекс в современном люблянском койне факультативен, поскольку здесь преобладают примеры полной депалатализации (без метатезы): *kona* (konja), *stanovana* (stanovanja), *zanga* (zanja).

1.2.2. К числу наиболее заметных и последовательных явлений в системе консонантизма, пожалуй, можно отнести рефлекс «свистящей» палатализации заднеязычных согласных **k**, **g** в позиции перед гласным переднего ряда (так. наз. «ять вторичного происхождения»), образовавшимся в результате стяжения гласных во флексии род. пад. ед. ч. местоимений-прилагательных: *takajega > takaega > takëga > tacega > taciga > tacga. Рефлексы данного процесса сохранились в закрытом наборе лексем: takega: tácga > tádzga (регрессивная ассимиляция по звонкости), vsakega: vsacga > vsadzga (регрессивная ассимиляция по звонкости), drugega: druzga.

2. Морфологические особенности люблянского койне

Значительный процент морфологических особенностей люблянской разговорной речи обусловлен фонетическими процессами, в то же время наблюдаются и специфические явления «разговорной грамматики», не связанные с фонетикой¹¹.

2.1. Фонетически мотивированные морфологические особенности люблянской разговорной речи являются прямым следствием количественной и качественной вокальной редукции, процессов депалатализации, аналогического выравнивания.

2.1.1. Редукция именных форм

1) Редуцированная падежная форма мест. пад. ед. ч. жен. р.: **u resnič** (u resniči), **pōr Líz** (pri Lízī), **na gmajn** (na gmajni);

2) Редукция конечного безударного гласного – **i** во флексии тв. пад. мн. ч. жен. р.: **z nogam** (z nogami), **s takim super stopnicam** (s takim super stopnicami), **met šolskim pučitnicam** (med šolskim počitnicami);

3) Редуцированная флексия – **dm** в мест. пад. ср. и муж. р. ед. ч.: **pret dōvédsōtdm létōm** (pred devetdesetim letom), **z autobusōm** (z avtobusom), **s pōrjatōm** (s prijateljem), **z mōjōm brātōm** (z mojim bratom)¹²;

4) Перегласовка гласных **e** и **i** в безударной позиции в краткий вокал **ō** и их выпадение как явление фонетическое последовательно отражается в парадигме именных согласовательных форм (прилагательных, местоимений-прилагательных, порядковых числительных): **nōvga** (novega), **novmu** (novemu), **novdh** (novih), **z novmi** (z novimi), **o novdh** (o novih); приводит к возникновению омонимичных флексий (тв. и мест. пад. муж. и ср. р. ед. ч. с дат. пад. мн. ч.): **z novōm** (z novim), **o novōm** (o novem), **novōm** (novim);

5) Выпадение гласного **e** сокращает формы сравнительной степени прилагательных и наречий (после шипящих): **bólš** (boljše), **slabš** (slábše);

6) К числу заметных морфологических последствий вокальной редукции в люблянском койне относится маскулинизация существительных среднего рода. Этот процесс мотивирует утрата безударного вокала в фонологически слабой позиции конца слова: **moj mést**

¹¹ Видный словенский лингвист Франце Безлай писал: «разговорный язык располагает своими собственными критериями, определяющими функционирование двойственного числа... и сотни других более мелких элементов» [Bezljaj 1961: 389–390].

¹² Согласно сохранившимся записям люблянской речи 1940-х гг., а также перечню Топоришича, в люблянской разговорной речи функционировала флексия мест. пад. ед. ч. муж. и ср. р. **-am**: **z mesam**. Современный материал демонстрирует редукцию вокала во флексии **-dm**.

(*moje mesto*), *lansk lét* (*lánsko léto*)¹³ (есть также в гореньских диалектах). Маскулинизация влияет на сближение падежно-числовых форм существительных мужского и среднего рода в единственном числе¹⁴.

В случае с прилагательными: (*To*) *je směšdn* (*smešno*), *čúdn* (*čudno*) – утрата конечного безударного вокала мотивирует развитие «компенсационного» кратного гласного *ǫ* между сонорным и несонорным согласным: *čudno* > *čudn* > *čudǫn*. Аналогичный процесс наблюдается в формах страдательных причастий в предикативной функции. В целом маскулинизация затронула фактически все части речи, имеющие форму среднего рода, что позволяет говорить о фонетической природе данного процесса в столичном койне.

Люблянское койне	Литературный язык	Маскулинизации подвергается
<i>Če je vrême dôbôr</i>	Če je vrême dôbr <u>o</u>	прилаг. в предикативной функции
<i>Vsak júťôr</i>	Vsak <u>o</u> júť <u>o</u>	местоимение + существительное
<i>Sónce je posijál</i>	Sónce je posijál <u>o</u>	причастие на -l
<i>En lét stár, ên nabodál stáne</i>	En <u>o</u> lét <u>o</u> stár, ên <u>o</u> nabodál <u>o</u>	числительное + существительное
<i>Na Kitajskǫm je zlát pravíl</i>	Zlat <u>o</u> pravíl <u>o</u>	прилаг. + существительное

Люблянское койне	Литературный язык	Маскулинизации подвергается
<i>Ên ták modêrǫn tǫrgovsk središče</i>	Ên <u>o</u> ták <u>o</u> modêrn <u>o</u> tǫrgovsk <u>o</u>	показатель определенности + указ. местоимение + прилаг. + /сущ./

¹³ Гласный *e*, по сравнению с вокалом *o*, довольно редко исчезает в формах существительного среднего рода единственного числа, где он оказывается в положении финального гласного. Единственный обнаруженный пример: *tíst jájce* (*tísto jájce*). При этом гласный *e* последовательно утрачивается в притяжательных местоимениях и прилагательных, согласующихся с маскулинизированными существительными среднего рода: *mój ôkǫn* (*môje ôkno*).

¹⁴ В формах мн. ч. различие мужского и среднего рода в люблянском койне, как правило, сохранено, в отличие от некоторых словенских диалектов, где явление феминизации и маскулинизации существительных среднего рода осуществляется с большей последовательностью.

<i>Vse je zrihtan</i>	Zrihtan <u>o</u>	страдательное причастие
<i>Vds premožene</i>	Vse (premoženje)	определятельное местоимение

2.1.2. Редукция глагольных форм

Обращает на себя внимание регулярность редуцированных форм в глагольной парадигме.

1) Редукция тематического гласного основы настоящего времени *-i*: *ôna ráb* (rábĭ), *tó lóč* (to lóčĭ), *vôzjo* (vózĭjo), *se práv* (se právĭ), *pravjo* (pravĭjo), *me ne mót* (me ne motĭ), *hód* (hódi);

2) Редукция форм повелительного наклонения: *púst* (pústĭ!), *kúp si* (kúpi si!);

3) Редукция тематического гласного в основе инфинитива *-i*: *kúpôt* (kúpĭti), *trúďôt se* (trúďĭti se), *lótôt se* (lótĭti se);

4) Редукция форм причастия на *-l*, участвующих в образовании форм прошедшего и будущего времени вместе с соответствующим вспомогательным глаголом:

муж. р. ед. ч. <i>(On je / bo) réku, delu, nehu</i> ЛЯ: <i>(On je / bo) rék<u>u</u> trudĭ<u>u</u>, neh<u>u</u></i>	муж., жен. р. мн. ч. <i>(ôni/ one so/bodo) rékôl, delal, néhal</i>
ср. р. ед. ч. (в том числе безличные предложения) <i>Rékôl, delôl, nehal (se je / bo)</i> ЛЯ: <i>Rék<u>o</u>, trudĭ<u>o</u>, neh<u>o</u> (se je / bo)</i>	Литературный язык (ЛЯ) муж. р. мн. ч. <i>(oni so / bodo) rekĭ, delalĭ, nehaliĭ</i> жен. р. мн. ч. <i>(one so / bodo) rekĭe, delale, nehale</i>

Процессы вокальной редукции, а также сопровождающая ее монофтонгизация (в формах муж. р. ед. ч.) и развитие компенсационного краткого вокала *ô*, как видно из таблицы, носят в койне регулярный характер и образуют определенную систему маркированных разговорных форм;

5) Редуцированные (стяженные) формы будущего времени: *a vďš kôj réku?* (a boš kaj rekôu?); *a ute vzél?* (ali boste vzeli?). Именно в этих формах сохраняется диссимилятивная отрицательная частица: *Náuš verjéu!* (Ne boš verjéu); *Naum pozabu!* (Ne bom pozabiu);

б) Диссимиляция гласного в отрицательной глагольной частице: *ne vé \bar{m} > na vé \bar{m}* ¹⁵.

2.2. Собственно морфологические особенности

2.2.1. Выравнивание флексии мест. пад. ед. ч. (муж. и ср. р.) согласовательных форм *- $\bar{d}mu$* по аналогии с формами дат. пад. ед. ч.: *takemu vremenu – ob ták $\bar{d}mu$ vreménu* (ob tak $\bar{e}m$ vremenu); *temu mestu – v tému méstu* (v tem mestu); *ênmu lokalu – v ênmu lokálu* (v ên $\bar{d}m$ lokálu).

2.2.2. Формы «разговорного» инфинитива с единым показателем *-t* (в отличие от литературного *-ti*): *govôrt* (govorí $\bar{t}i$), *nêst* (nêsti).

2.2.3. Появление генерализированного показателя *-t* в формах инфинитива на *- $\bar{c}i$* : *rêčt* (rêč $\bar{c}i$), *tóučt* (tolč $\bar{c}i$), *vléčt* (vléč $\bar{c}i$), *oblečt* (obléč $\bar{c}i$), *spêčt* (pêč $\bar{c}i$), *ostríšt* / *ostríčt* (ostríč $\bar{c}i$), *poséčt* (poseč $\bar{c}i$).

2.2.4. Вытеснение супплетивной основы инфинитива основой настоящего времени: *najti, našeu ← naj $\bar{d}ôt$, najdu* (← naj $\bar{d}ôm$); *priti, prišeu ← pri $\bar{d}ôt$* (← pri $\bar{d}ôm$).

2.2.5. Специфический состав местоимений: *kwa*¹⁶ (kaj), *ké* (kje), *kle(le)* (tle(le)).

2.2.6. В рамках числовой парадигмы существительных женского и среднего рода (и согласующихся с ними форм) специфические родовые флексии двойственного числа последовательно вытесняются флексиями мн. ч. (в отличие от литературного языка): жен. р.: *te (dve) mlade punce* (mlad \bar{i} punc \bar{i}); *(dve) môje těžke tórbe* (tež $\bar{k}i$ torb \bar{i}); ср. р.: *obá svôja standvajna* (ob \bar{e} svoj \bar{i} stanovanj \bar{i}); *obá ôkna sta šla v lúft* (ob \bar{e} okn \bar{i} sta šl \bar{i} v zrak). Специфические флексии двойственного числа сохранены существительными муж. р. (oba mo $\bar{j}a$ brat \bar{a}) и личными формами глагола: (midva) plač $\bar{a}y $\bar{a}$$, (vidva, onadva) plač $\bar{a}t $\bar{a}$$, (midva) s $\bar{v}a$, (vidva, onadva) s $\bar{t}a$, (midva) bo $\bar{v}a$, (vidva, onadva) bo $\bar{s}t $\bar{a}$$.

2.2.7. Более последовательное, чем в литературном языке, использование аналитических показателей категории определенности.

Набор средств для экспликации значения определенности в литературном языке весьма ограничен. Эта категория выражается синтети-

¹⁵ Записи старейшей люблянской речи демонстрируют больший процент диссимилятивных форм, чем мы обнаружили на основании нашего аудиоматериала: *na more, na smete* ([Slovenska besedila 1993: 344–345]). По-видимому, эта особенность городского койне постепенно нивелируется.

¹⁶ Аналогичная форма вопросительного местоимения ЛЯ *kaj?* (что?) наблюдается также в гореньских диалектах: *kwa* // *kua*. Примечательно, что доленьский вариант *kogá* в люблянском койне также используется как маркированная экспрессема, совмещающая функции вопросительного местоимения и междометия и демонстрирующая крайнюю степень изумления говорящего: *Kogá (vruga) si réku?*

чекским способом, с помощью флексии *-i* в форме им.-вин. пад. ед. ч. муж. р.: *nov avto – novi avto*. Для выражения определенности в койне регулярно используется показатель *ta* (по происхождению указательное местоимение), которое в данной функции становится неизменяемым, что позволяет приравнять его к неопределенному артиклю: *tamladga fanta* (того молодого парня), *bum za tamale* (настоящий бум для детей), *k(j)e je tanova?* (где же новенькая?). Сочетание определенного артикля с прилагательным при изолированном употреблении в разговорной речи используется как частотный способ номинации (субстантивация признака) по отношению к уже известному, вполне определенному лицу или предмету.

Для выражения неопределенности в разговорной речи последовательно используется показатель *ên, ênga* – по происхождению числительное: *ceu kup êndh vzrokou* (целая куча неких причин), *na povabilo êndh Slovenceu* (по приглашению одних словенцев), *ên fôlk* (какая-то компания).

3. Лексические особенности люблянского койне

К наиболее заметным особенностям речи люблянцев на лексическом уровне можно отнести аналитический способ выражения лексического значения глагола, а также значительный пласт заимствований (особенно из немецкого языка, – следствие длительного словенско-немецкого двуязычия).

Аналитизм средств выражения проиллюстрируем на примере «разговорного» способа интенсификации значения глагола с помощью наречия: *Dôl spustiti* ‘Спустить (вниз)’; *Ta je pa dôl pádu*. ‘А этот (вниз) упал’; *Dôj, uséd se dôl, no!* ‘Ну сядь ты (вниз) наконец-то!’ Наречие конкретизирует лексическое значение глагола, дублируя семантический компонент «направление». Использование наречных «дубликатов» может сопровождаться повышенной эмоциональностью высказывания.

В других случаях наречная частица конкретизирует направление глаголов движения с недифференцированным значением (обычно это глаголы *iti, priti, hoditi*): *Ne grè nôt (nótôr)* ‘Не лезет (внутрь)’; *Bo šlo vdn!* ‘Это выйдет (наружу) /на экран’; *Prit sôm!* ‘Подойди сюда!’.

Германизмы, определяемые многими словенскими лингвистами как «варваризмы» («*rorašenke*»), активно функционируют в нелитературной речи города (Марибор, Любляна), в диалектах (центрально-словенские, штаерские, приморские), формируя коллоквиальный фонд словенского языка. В словаре литературного языка такие слова расцениваются как «сниженно разговорные», следовательно, недопустимые в литературной речи. Они используются для обозначения

предметов обихода: *cukôr* (лит. *sladkor* ‘сахар’), *župa* (*juha* ‘суп’), *žajfa* (*milo* ‘мыло’), *bremza* (*zavora* ‘тормоз’), *šipa* (*okensko steklo* ‘оконное стекло’), *štumfi* (*nogavice* ‘носки’) – для обозначения действий *vahtati* (*paziti* ‘сторожить’), *gruntati* (*ugotavljati* ‘догадываться’), – для обозначения признаков (прилагательные и наречия): *auf* (*gor* ‘вверх’), *ziher* (*zagotovo* ‘точно’), *ajnföh* (*enostavno* ‘просто’). Следует отметить, что функционирование заимствования в разговорных формациях способствует развитию дополнительных переносных, нередко коннотативных значений, что препятствует рассмотрению коллоквиальных заимствований как чистых дублетов: *farbati* (1. *barvati* «красить» → 2. *slepariti* «вешать лапшу на уши»). Кроме того, ограниченные в своем функционировании разговорными формациями, коллоквиальные заимствования могут использоваться как знаки, сигнализирующие переход к более доверительному и непринужденному общению: в соответствующей ситуации общения их использование по-своему закономерно.

Доля сербизмов в рамках нашего материала не так велика – из активно используемых лексем можно выделить приблизительно 15–20. Сербизмы чаще содержат коннотации, свидетельствующие об их преимущественном использовании в качестве экспрессивных коллоквиализмов: *ubitačen* ‘убийственно (плохой / хороший)’, *zabušavati* ‘валять дурака’, *tumbati* ‘«грузить» ненужной информацией’, *sekirati se* ‘сильно переживать’, междометие, выражающие сильную степень удивления (*svašta!* ‘Ну и ну, чего только не бывает’) или частица – побуждение (*hajde!* ‘Давай!’), цитатные вставки, идущие без перевода (*o tom potom, opasno za život*). Сербизмы пополняют фонд словенской общенной лексики, что подтверждает и современный материал.

Заимствования из английского языка, активизировавшиеся в последнее время, наряду с сербизмами участвуют в образовании социолектов. Данные анкетирования позволяют сделать вывод, что сленгизмы-американизмы являются яркой приметой люблянской речи в сознании других словенцев: *wokati doga* ‘гулять с собакой’, *bejba*, *bejbika* ‘девчонка’, *faca* ‘симпатия’, *šnopa-bojs* ‘любители шнопса’, *kul* → *skulirati se* ‘круто, расслабиться’, *kôpsi* ‘менты’, *To je pa fleš! the best! mega!* ‘супер!’.

«Модные» люблянские сленгизмы мы встречали в речи жителей Нового места, Приморья, что позволяет говорить об определенном влиянии столичного молодежного сленга на региональные социолекты – *tu mač ful kul* ‘супер-бунер’, *zabediran* ‘расстроенный, за-

комплексованный', *kar neki* (заполнитель пауз с максимально широким значением), *valda, itdk* 'само собой'¹⁷.

4. Синтаксические особенности люблянского койне

На синтаксическом уровне речь люблянцев отличают как универсальные особенности спонтанной речи (отклонения от нейтрального порядка слов, эллипс, повторы, парцелляция), так и специфические черты, определяемые составом и функционированием союзных средств и некоторых конструкций.

Койне имеет свои приоритеты в плане выбора способов выражения конкретных значений. В частности, для выражения значения принадлежности конкретному лицу широко используется сочетание предлога *od* с родительным падежом вместо предписываемой в литературном языке притяжательной формы прилагательного: *bajta od Tomaža* (*Tomaževa bajta*), *avto od očeta* (*očetov avto*).

Разговорные формации демонстрирует склонность к преимущественно сочинительному характеру связи (бессоюзию). Обращает на себя внимание ограниченный состав эксплицитных средств разных типов синтаксической связи (союзные средства). Высокой степенью регулярности отличается типично «разговорный» союз *pol* (*potlej, potem, nato* 'после этого'), сочинительный союз *pa* (выражающий значение присоединения и протиповоставления). *Spoznáš kdšno družbo, pól se mal z ními družíš, pól pa začneš kdšdn izrás uporáblôt, ki ga dđrgáč sploh ne* 'Знакомишься с какой-нибудь компанией, потом ходишь с ней, ну, и начинаешь потом использовать какое-нибудь выражение, которое в ином случае и не стал бы'.

Для разговорной речи Любляны весьма характерно «универсальное» разговорное союзное средство *kd*, выражающее различные подчинительные смысловые отношения, в частности, определительные (*ki* 'который'), выступающее в роли определителя времени (*ko* 'когда'), причины (*ker* 'потому что'), места (*kjer* 'где'), в функции сравнительного союза (*kot* 'чем'). В отдельных случаях смысловые связи не так очевидны и могут быть истолкованы по-разному, в том числе как смысловые связи изъяснения (*da* 'что'): *To je úna, kd vlečeš...* – 'Эта (штука)', *ki jo vlečeš* 'которую тянешь' // *ko vlečeš* 'когда тянешь' // *da vlečeš* 'чтобы тянуть'. Данный пример демонстрирует, насколько точность интерпретации смысла спонтанного высказывания зависит от контекста и от ситуации.

¹⁷ Последние две лексемы – сербского происхождения, однако жители Нового места указывали Любляну как источник данных слов.

Анализ материала позволяет сделать вывод, что столичное койне как языковая формация, зафиксированная в рамках определенного набора коммуникативных ситуаций, имеет относительно широкий состав системообразующих особенностей на различных уровнях языка, что позволяет констатировать самостоятельный, системный характер данного идиома.

К числу основных закономерностей, определяющих языковую специфику разговорной речи Любляны, следует отнести ослабление артикуляционной напряженности, последовательное действие аналогии, тенденцию к аналитизму. В области фонетики главной особенностью столичного койне является вокальная редукция и остаточные проявления некоторых люблянских локализмов, сохраняющихся у старших носителей койне. В области морфологии анализ выявил системный характер редуцированных форм именного и глагольного словоизменения, несколько иной, чем в литературном языке, состав средств выражения категории двойственного числа и определенности. В области лексики отмечаются черты аналитизма и расширенное использование заимствованной лексики. В области синтаксиса, наряду с универсальными особенностями устной спонтанной речи, столичное койне демонстрирует также черты аналитизма, ограниченный состав эксплицитных средств синтаксической связи, зависимость интерпретации смысла от контекста и ситуации.

Указанные особенности столичного койне в целом отражают специфику социолингвистической ситуации в Словении, для которой характерно наличие определенной дистанции между культивируемым в обществе «правильным» литературным языком и речевой практикой повседневного общения, что обуславливает самостоятельность словенских нелитературных разговорных формаций в языковом и функциональном плане.

Л и т е р а т у р а

- Замятина, Плотникова 1994 – *Замятина Г. И., Плотникова О. С.* Языковая ситуация в Словении // *Язык. Культура. Этнос*. М., 1994. С. 210–220.
- Cazinkič 2001 – *Cazinkič R.* O vsakdanji govorici Ljubljančanov // *Bela Ljubljana: zgodbe iz slovenske prestolnice (zbirka Glasovi)*. Ljubljana, 2001. С. 27–32.
- Bezljaj 1961 – *Bezljaj F.* O pogovornem jeziku // *Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana, 1961. С. 389–390.
- Ključar 2002 – *Ključar P.* Govor Ljubljane. Seminarska naloga (mentorica dr. V. Smole). Ljubljana, 2002.
- Kovšča 1975 – *Kovšča T.* Govor Lubljane. Diplomaska naloga (mentorica dr. V. Smole). Ljubljana, 2000.
- Logar 1975 – *Logar T.* Slovenska narečja (besedila, zbral in uredil Tine Logar). Ljubljana, 1975.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Slovenska besedila 1993 – Slovenska zvrstna besedila. Ljubljana, 1993.

Slovenski pravopis 1990 – Slovenski pravopis 1: Pravila. SAZU, Ljubljana, 1990.

Toporišič 1970 – *Toporišič J.* Slovenski pogovorni jezik // Slavistična revija. Let. 18. 1970. Št. 1–2.

Toporišič 1976 – *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Maribor, 1976, 2000.